

История, археология, этнография

УДК 325:316:94(470.4/5)(=511.1)

В. С. Воронцов, А. В. Мартыненко, О. В. Орлова, Ю. П. Шабает

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ВОСПРИЯТИЯ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЕМ ФИННО-УГОРСКИХ РЕСПУБЛИК РОССИИ (НА МАТЕРИАЛАХ МАРИЙ ЭЛ, МОРДОВИИ, КОМИ, УДМУРТИИ)*

В статье анализируются результаты социологических опросов, проведенных авторами в Марий Эл, Мордовии, Коми и Удмуртии осенью 2018 г. Исследование проводилось по методике Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов Института этнологии и антропологии РАН, будучи направлено на выявление и оценку конфликтного и интеграционного потенциалов местного населения в сфере миграционных отношений. В целом опросы выявили достаточно высокую степень толерантности жителей указанных республик к мигрантам, включая иностранных рабочих из Центральной Азии. Проявления мигрантофобии отражали мнение меньшей части респондентов, доля которых, однако, заметная. Респонденты указывали и положительные, так и негативные аспекты последствий трудовой миграции. Большинство участников опроса всё же склонно рассматривать миграцию как позитивное явление. Как рекомендацию укажем на необходимость дальнейшей активизации и дальнейшего совершенствования мер, направленных на помощь в адаптации и на стимулирование процесса интеграции трудовых мигрантов различных этнических групп в региональные социумы. Информирование мигрантов о культурных особенностях «принимающей стороны», вовлечение их в общероссийские и местные мероприятия и праздники (День города, День России, разного рода этнокультурные фестивали) должны проводиться чаще, носить более последовательный и менее формальный характер, чем порой это имеет место. Кроме того, не стоит недооценивать потенциал традиционных конфессий, которые «опекают» мигрантов. Помимо социально-экономического контекста, эффективная адаптация и интеграция мигрантов – это важный стимул для культурного развития регионов и диалога культур.

Ключевые слова: трудовая миграция, миграционная политика, иностранные рабочие, общественное мнение, мигрантофобия, ксенофобия, толерантность, межэтнические отношения, адаптация, интеграция.

DOI: 10.35634/2224-9443-2019-13-4-653-663

Активизация миграционных потоков в российских регионах закономерно повышает общественное внимание к данному явлению, закреплению существующих или формированию новых этнических стереотипов и актуализации миграционного дискурса [Воронцов 2012, 64–79]. Это вполне закономерно, если учитывать, что специфика трудовой миграции в России напрямую влияет на экономическое развитие страны и его дальнейшие перспективы: «Россия всё еще неспособна привлечь высококвалифицированных рабочих и специалистов. В настоящее время развитие российской экономики требует только временной миграции низкоквалифицированных рабочих. Причина заключается в отсутствии продуманной политики интеграции иностранных граждан» [Bisson 2016, 23].

Этим обусловлена актуальность исследований по данной проблематике, которые в сложившихся социально-экономических, демографических и геополитических реалиях современной России приобретают характер государственной важности. В связи с этим этнолог В. В. Степанов отмечает, что «в современной России отношение к мигрантам является важным или даже важнейшим индикатором состояния межнациональных отношений. По большому счету, этот индикатор не про мигрантов (не только о них). В регионах его следует применять и для оценки качества социального управления» [Степанов 2018, 177]. В свою очередь американский социолог Д. Массей пишет, что «в настоящее время изучение миграции представляет собой пестрый набор исследований, мало связанных между собой» [Massey 1990, 3], и поэтому указывает на необходимость фундаментальных обобщений в

* Статья подготовлена в рамках программы «Организации проведения общественно значимых мероприятий в сфере образования, науки и молодежной политики» на 2019 год Министерства науки и высшего образования Российской Федерации № 748715Ф.99.1.ББ97АА00002

данной области. Несомненно, важным подспорьем для таких обобщений служат социологические исследования по миграционным проблемам, в том числе в России [Мукомель 2018, 200–210].

Так, осенью 2018 г. в ряде субъектов Российской Федерации (в т. ч. Удмуртии, Мордовии, Марий Эл и Коми), было проведено комплексное социологическое исследование среди местного населения с целью изучения общественного восприятия миграции и мигрантов. Проводилось оно по методике Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов Института этнологии и антропологии РАН [Социальные 2014, 342–364] и было направлено на выявление и оценку конфликтного и интеграционного потенциала местного населения в сфере миграционных отношений.

В каждом из названных субъектов было опрошено по 300 респондентов, большинство которых составляли жители региональных столиц: Ижевска в Удмуртии, Саранска в Мордовии, Йошкар-Олы в Марий Эл и Сыктывкара в Коми. Кроме того, опрашивали жителей населенных пунктов, территориально примыкающих к столицам: в Удмуртии это было село Завьялово; в Мордовии – поселок Атемар; в Марий Эл – поселок Медведево; в Коми – микрорайон лесопромышленного комплекса Эжва.

По данным соопроса, большинство респондентов в своей повседневной жизни практически не «пересекаются» с мигрантами: ответ «очень редко» выбрали 40 % в Коми, 42 % в Мордовии, 46 % в Удмуртии, 49 % в Марий Эл. Ответ «никогда»: 31 % – в Марий Эл; 37 % – в Мордовии; 39 % – в Удмуртии; 40 % – в Коми.

Ежедневно с мигрантами в Удмуртии и в Марий Эл общаются по 3 % респондентов; в Мордовии и Коми – по 4 %. На еженедельное общение с мигрантами в Удмуртии указали 4 %, в Мордовии и Коми – по 6 %, в Марий Эл – 8 %. Соответственно каждый месяц с мигрантами общаются в Удмуртии 5 % участников опроса, в Мордовии – 7 %, в Марий Эл – 8 %, в Коми – 9 %.

Таким образом, не общаются с мигрантами совсем или практически не общаются в Мордовии 79 % опрошенных, в Коми и Марий Эл – по 80 %, в Удмуртии – 85 %. С другой стороны, с разной степенью интенсивности такое общение поддерживают 12 % респондентов в Удмуртии, 17 % – в Мордовии, по 19 % – в Марий Эл и Коми.

Соотношение ответов в принципе, схожее во всех рассматриваемых регионах, отражает реально сложившуюся ситуацию с мигрантами и вокруг них. Речь идет не только и даже не столько об их относительной малочисленности в регионах, сколько об определенной обособленности гастарбайтеров из Центральной Азии. Действительно, они могут быть заметны на улицах, их можно встретить в принципе почти везде: в магазине, кинотеатре, городском парке... Но держатся они небольшими группами, подчеркнута вежливость, особенно со старшими, и, в то же время, интенсивного общения с местным населением практически нет. Образно говоря, они среди нас, но не с нами, а как бы живут своей «параллельной» жизнью, не интегрируясь социумами четырех российских городов.

Социолог из Мордовии Д. Б. Борисов связывает эти барьеры с рядом факторов социально-психологического свойства и, в частности, отмечает: «Интеграционные настроения и ожидания принимающего населения не совпадают с мнением трудовых мигрантов, которые оптимистично оценивают отношение к ним местного населения. В Республике Мордовия население демонстрирует достаточно противоречивое отношение к иностранным трудовым мигрантам. К основным характеристикам интеграционного потенциала необходимо отнести как социально-экономические (спокойная межэтническая обстановка, традиции межэтнического взаимодействия), так и социокультурные факторы (восприятие мигрантов как бывших соотечественников и т. д.). Основными причинами возникновения барьеров на пути интеграции являются низкая интенсивность этноконтактного взаимодействия местного населения и трудовых мигрантов, упрощенный взгляд на социальные процессы, недостаточная информированность населения в вопросах трудовой миграции, некритическое восприятие стереотипов» [Борисов 2012, 22].

Кроме того, отметим, что сам по себе термин «общение» в данном случае не уточняется и может трактоваться респондентами очень широко, но, скорее всего, стереотипно, то есть как процесс взаимодействия в ходе получения каких-либо услуг.

Как известно, вопрос о степени, в которой российская экономика нуждается в мигрантах, дискуссионен. Например, социолог Л. Л. Рыбаковский отмечает: «Из этого тупика (*имеется в виду неблагоприятная демографическая ситуация в России как фактор, негативно влияющий на экономику – авторы статьи*) возможны два выхода: либо продолжить привлекать в российскую экономику многомиллионные массы неквалифицированных трудовых мигрантов, либо интенсивно модернизировать экономику на инновационной основе» [Рыбаковский 2014, 27].

Большинство респондентов – 67 % в Марий Эл, 69 % в Удмуртии, 73 % в Мордовии, 78 % в Коми – считают, что труд мигрантов необходимо использовать, указывая различные сферы обслуживания и

отрасли экономики. Затруднились с ответом 5 % в Марий Эл, по 10 % в Удмуртии и Коми, 11 % в Мордовии. Еще 12 % опрошенных в Коми, 16 % – в Мордовии, 21 % – в Удмуртии, 28 % – в Марий Эл высказали категоричное мнение, согласно которому трудовые мигранты стране не нужны в принципе.

По вопросу (допускающему несколько вариантов ответов), каким образом следует использовать труд иностранных мигрантов в регионе, мнения респондентов распределились следующим образом. На строительство и дорожные работы указали 35 % респондентов в Марий Эл, 37 % – в Мордовии, 44 % – в Коми, 46 % – в Удмуртии. На использование мигрантов в уборке и других жилищно-коммунальных услугах указали по 46 % участников опроса в Удмуртии, Мордовии и Коми, 51 % в Марий Эл. На сельское хозяйство указали 20 % респондентов в Мордовии, 23 % – в Коми, 30 % – в Удмуртии, 41 % – в Марий Эл. На торговлю указали по 15 % опрошенных в Удмуртии и в Мордовии, 16 % – в Марий Эл, 27 % – в Коми. Использование мигрантов на заводах и фабриках считают целесообразным 10 % респондентов в Марий Эл, 12 % – в Удмуртии, 16 % – в Мордовии, 23 % – в Коми. На охрану мигрантами парковок и магазинов указали 9 % опрошенных в Удмуртии, 10 % – в Марий Эл, 13 % – в Мордовии, 21 % – в Коми. Использование мигрантов как обслуживающего персонала в кафе, ресторанах и гостиницах допускают по 13 % респондентов в Марий Эл и Удмуртии; 15 % – в Мордовии; 19 % – в Коми. На труд мигрантов в качестве водителей или кондукторов в общественном транспорте указали 6 % опрошенных в Марий Эл, 8 % – в Мордовии, 9 % – в Удмуртии, 13 % – в Коми. На работу мигрантов по найму на приусадебных участках указали 12 % респондентов в Коми, 14 % – в Мордовии, 18 % – в Удмуртии, 25 % – в Марий Эл. Наконец, на привлечение мигрантов в сферу медицины и социальных услуг указали по 5 % опрошенных в Мордовии и Марий Эл, 8 % – в Удмуртии, 14 % – в Коми.

Таким образом, наиболее предпочтительными для мигрантов видами работ, которые назвали до половины респондентов во всех четырех республиках, стали занятость в строительстве и дорожных работах, а также уборка и другие жилищно-коммунальные услуги. Менее предпочтительными профессиями для допуска мигрантов (не менее 10 %) оказались сельское хозяйство, сфера торговли, занятость на промышленном производстве, охранная деятельность, обслуживание в отелях, кафе и ресторанах. Наконец, можно выделить одну профессию, на допуск к которой мигрантов согласны меньше всего респондентов во всех четырех республиках – это работа на общественном транспорте.

В комментариях часть опрошенных из разных республик указывает на то, что трудовым мигрантам надо разрешить работать во всех сферах без каких-либо ограничений: *«Я за, чтобы люди из других стран честно работали в нашей стране. Мигранты берут низкооплачиваемую и тяжелую работу, которую местные жители не хотят»* (Удмуртия); *«Пусть приезжают, среди них есть отличные специалисты»* (Марий Эл), *«Если человек достойный, то в любой профессии»* (Мордовия). Имели место высказывания, в которых респонденты предлагали ограничить труд мигрантов либо использовать их лишь в отдельных непрестижных сферах, например: *«В тех отраслях, где существует нехватка кадров из-за низкой зарплаты»* (Удмуртия). И отдельные респонденты подтверждали свое нежелание видеть мигрантов в отечественной экономике и сфере услуг соответствующими комментариями: *«Местным не хватает работы с хорошей зарплатой»* (Марий Эл), *«Своим бы работы хватило»* (Мордовия). На наш взгляд, обозначенная выше проблема рассматривалась респондентами не столько с позиций их личного опыта, сколько через призму сформировавшихся в российском обществе стереотипов и медийных штампов.

Участникам опроса было предложено высказать мнение по вопросу о том, отнимают ли трудовые мигранты рабочие места у местного населения. Однозначно утвердительный ответ дали 14 % анкетированных в Удмуртии, 22 % – в Мордовии, 26 % – в Марий Эл и только 4 % – в Коми. Затруднились с ответом по 6 % – в Марий Эл и Коми, 9 % респондентов в Удмуртии, 10 % – в Мордовии. Большинство же опрошенных либо считают, что местные жители сами не хотят занимать некоторые рабочие места как непрестижные (30 % в Мордовии, 38 % – в Марий Эл, 43 % – в Коми, 46 % – в Удмуртии), либо признают, что имеет место и то, и другое (28 % – в Марий Эл, 30 % – в Мордовии, 31 % – в Удмуртии, 47 % – в Коми).

Кроме того, в рамках опроса звучали свои варианты формулировок и видения проблемы. Например, в отдельных комментариях сформулирована более категоричная позиция по данному вопросу, которая не предполагалась в предлагаемых в анкете вариантах ответа: *«Работу отнять невозможно. Кто хочет работать – работает...»* (Мордовия). *«Если человек захочет, то он найдет работу и никакие мигранты ему не помешают»* (Удмуртия). Другие комментарии представляют собой рассуждения о «нечистоплотности» российского, в том числе местного, бизнеса, а также о якобы «извечных» «русской лени» и «русском пьянстве»: *«Работодатели пользуются дешёвой рабочей силой»*

мигрантов в ущерб местным жителям» (Мордовия). *«Русские и мордва сами не хотят работать. Всё больше пьют "горькую"»* (Мордовия). *«Коррупцированные чиновники раздробили единую страну, превратили ее граждан в мигрантов, вынужденных работать вдали от дома, за копейки. Вместо «дружбы народов» воспитывают толерантность. Теперь еще власти хотят, чтобы т.н. предприниматели работали там, где работают мигранты: дворниками, продавцами, уборщиками, будто бы это легкая работа. Пусть сами попробуют в 50–60 лет лопатой или шваброй целый день помахать»* (Удмуртия). В некоторых комментариях звучит сочувствие к мигрантам: *«Мне их жалко, вдали от семьи. Ничего они не отнимают»* (Мордовия).

По поводу потенциально криминогенных наклонностей мигрантов, 55 % участников опроса в Мордовии, 59 % – в Удмуртии, 62 % – в Марий Эл, 65 % – в Коми считают, что между местным населением и мигрантами особых различий в уровне преступности нет. В то же время по 16 % респондентов в Удмуртии и Коми, 21 % – в Марий Эл, 23 % – в Мордовии всё же придерживаются мнения, что мигранты чаще совершают преступления, чем местные жители.

Восприятие большинством респондентов прибывающих в их республики мигрантов как сообщества, в котором криминал имеет место не более, чем среди местного населения, вполне адекватно реальной ситуации. Большинство правонарушений мигрантов связано с попытками нелегального трудоустройства, уклонения от регистрации и т.п. Случаи тяжких преступлений, совершаемых, например, гастарбайтерами из Центральной Азии, относительно редки. Например, в Удмуртии по итогам 2018 г. расследованы и направлены в суд уголовные дела по 108 преступлениям, совершенным иностранными гражданами, что составило 0,4 % от общего количества зарегистрированных преступлений в республике [Аналитическая справка, 2018]. Но дело в том, что такие случаи, как правило, активно муссируются местной прессой, причем иногда информация подается в гипертрофированном виде и с некорректными заголовками. Так, в 2018 г. в периодических изданиях Мордовии подробно освещался судебный процесс над гражданином Узбекистана М. Чориевым, который задушил свою беременную жену, также гражданку этой центральноазиатской республики. Супружеская пара работала в рабочем поселке Луховка (недалеко от Саранска), в шаурменной [Он убил, 2018].

По мнению авторов статьи, именно такой повышенный интерес масс-медиа к проявлениям уголовной преступности в мигрантской среде формирует соответствующий образ в общественном сознании. Речь идет о своеобразном «языке вражды», который создает негативный образ всех трудовых мигрантов, дискредитирует их в глазах принимающего сообщества: *«В последние десятилетия количество негативных стереотипов и клише в отношении мигрантов, тиражируемых различными СМИ, увеличивается. При этом обсуждение проблем миграции осуществляется как с использованием негативных эмоциональных суждений оценочного характера, так и при помощи манипулирования объективными фактами и статистическими данными, что в итоге приводит к формированию в обществе устойчивых предубеждений по отношению к мигрантам. Особенности коммуникации в сети интернет усугубляют эту проблему, поскольку анонимность и дистанционность авторов и комментаторов сообщений от объекта обсуждения провоцируют такое речевое поведение, которое в случае непосредственного контакта перевело бы конфликт с вербального на физический уровень воздействия»* [Сычев А. А., Коваль Е. А., Жадунова Н. В. 2018, 800]. Впрочем, данная ситуация характерна для масс-медиа всей страны, о чем, в частности, пишет политолог С. В. Голунов: *«Особое влияние на общественное мнение может оказать интерпретация отдельных криминальных инцидентов или их избирательное освещение. К сожалению, многие СМИ уделяют неоправданно большое внимание серьезным преступлениям, совершаемым мигрантами, так как эти новости, по сравнению с сообщениями о «рядовых» преступлениях, притягивают читателей и, соответственно, в значительной степени повышают рентабельность издания. Это создает своего рода “эффект подборки”: частота упоминаний об участии мигрантов в подобных происшествиях формирует у читателей искаженное представление об их “криминальности”»* [Голунов 2014, 90–91]. Всё вышесказанное отчасти отразили и данные анализируемых в статье региональных опросов.

Большинство комментариев респондентов по данному вопросу представляют собой просто подтверждение той или иной из предложенных в анкете точек зрения, например: *«Все грешим. И православные, и инородцы»* (Мордовия). *«Зависит от структуры личности человека, а не от национальности»* (Удмуртия). Другие выразили недовольство самой постановкой вопроса: *«Ни с одним из вариантов не согласен. Потому что нет однозначного ответа на этот вопрос»* (Мордовия). Отдельные комментарии отражают неприязненное отношение к мигрантам: *«Если верить газетам и ТВ. “Банда ГТА” – кто такие?»* (Мордовия). Прозвучал и сюжет возможной террористической угрозы со стороны мигрантов: *«Про террористов не забудем. В прошлом году Петербург, в этом – Саранск,*

Рязань, что угодно! Разве это невозможно?» (Мордовия). К слову, последнее утверждение не столь уж обосновательно: например, среди немногочисленных боевиков-исламистов, проникавших в 1990-е – 2010-е гг. на территорию Республики Мордовия, некоторые были гастарбайтерами из Центральной Азии [Мартыненко 2017, 34–37; Martynenko 2015, 58].

Но часть комментариев направлена на защиту мигрантов: *«Русские чаще совершают преступления, чем узбеки. Потому что русских больше»* (Мордовия); *«У них другой образ жизни, то, что для них преступление, для нас норма»* (Удмуртия); *«Мигранты меньше совершают преступлений»* (Марий Эл).

Нейтральное отношение к проективной ситуации обучения своих детей или внуков с детьми мигрантов выразили по 43 % участников опроса в Коми и Марий Эл, 52 % – в Мордовии, 67 % – в Удмуртии. Положительное отношение к данной ситуации высказали 16 % респондентов в Удмуртии, 17 % – в Мордовии, 28 % – в Марий Эл. Наиболее толерантное отношение к данной ситуации проявили респонденты в Коми (45 %). Напротив, негативное отношение выразили 11 % опрошенных в Удмуртии, 20 % – в Мордовии, 24 % – в Марий Эл. В Коми, соответственно, наименьшее количество негативных ответов (7 %). Здесь необходимо учитывать, что детей мигрантов в школах указанных республик или относительно немного, или совсем мало, поэтому в реальной практике предлагаемая респондентам ситуация достаточно редкая, а негативные ответы – скорее проявление влияния соответствующих стереотипов.

В случае возникновения в городах антимигрантских пикетов, поддержать и присоединиться к ним готовы 8 % респондентов в Коми, 12 % – в Удмуртии, 13 % – в Марий Эл, 14 % – в Мордовии. Не поддержат подобные публичные проявления мигрантофобии 52 % в Мордовии, 57 % – в Удмуртии, 64 % – в Коми, 71 % – в Марий Эл. Затруднились с ответом 13 % в Марий Эл, 20 % – в Коми, 22 % – в Мордовии, 28 % – в Удмуртии. Необходимо признать, что даже в условиях наплыва среднеазиатских гастарбайтеров открытые проявления мигрантофобии в рассматриваемых регионах всё же немногочисленны и сводятся, в основном, к редким оскорбительным граффити на стенах домов и к иному бытовому бескультурью и хулиганству.

Следующий блок вопросов был посвящен выяснению отношения местного населения к идее обучения трудовых мигрантов русскому языку, их приобщения к традициям и культуре местных жителей. Практика последних лет показывает, что многие гастарбайтеры не владеют русским языком, не знают российских законов, это не только затрудняет общение с местным населением, но и создает им серьезные проблемы при трудоустройстве и контактах с правоохранительными структурами и органами власти. Позиция большинства респондентов по вопросам языковой и культурной адаптации мигрантов в целом достаточно лояльная.

Так, языковую адаптацию мигрантов (обучение их русскому языку) безоговорочно поддерживает 30 % респондентов в Марий Эл, 35 % – в Мордовии, 39 % – в Удмуртии, 48 % – в Коми. Еще 14 % опрошенных в Мордовии, 15 % в Удмуртии, 16 % в Марий Эл и 21 % в Коми согласны с этим, но при условии, что обучать надо только тех, кто хочет остаться в России. Кроме того, 25 % участников опроса в Коми, 37 % в Мордовии, 38 % в Удмуртии, 44 % в Марий Эл согласны с условием оплаты языковых курсов самими мигрантами. Таким образом, идея обучения мигрантов русскому языку находит поддержку у абсолютного большинства респондентов.

Противниками языковой адаптации иностранных работников выступили по 4 % опрошенных в Коми и Мордовии, 7 % в Удмуртии, 9 % в Марий Эл (абсолютное меньшинство).

Находясь в России, многие мигранты не знают местных традиций и культуры. По вопросу, каким образом информировать мигрантов об этом, мнения разделились следующим образом: 36 % респондентов в Коми, 41 % в Удмуртии, 43 % в Марий Эл, 44 % в Мордовии считают необходимым здесь комплексный подход, сочетающий разные меры (раздачу информационных листовок, привлечение к участию в общественной и культурной жизни региона). Другая часть респондентов (18 % в Мордовии, 22 % в Удмуртии, 23 % в Марий Эл, 34 % в Коми) высказалась за то, что достаточно привлекать мигрантов к общественной жизни. Сторонники информирования мигрантов только с помощью листовок составили в Коми и Марий Эл по 6 %, в Мордовии и Удмуртии – по 10 %.

Противниками такого информирования в Мордовии стали 9 % респондентов, в Коми 13 %, в Удмуртии 14 %, в Марий Эл 22 %. Затруднились с ответом 5 % в Марий Эл, 7 % в Коми, 9 % в Удмуртии, 13 % в Мордовии.

Таким образом, большинство опрошенных (по 63 % в Мордовии и Удмуртии, 67 % в Марий Эл, 70 % в Коми) – сторонники интеграции мигрантов в местные региональные социумы. Значение такой интеграции трудно переоценить, потому что альтернативой является процесс «анклавизации» мигрантов, об опасности которого пишет этнолог М. Ю. Мартынова: «Анклавы, как вариант образа жизни и

самоорганизации в обществе людей общей культуры по ее стандартам внутри иной социокультурной среды, в какой-то степени психологически оправданы и даже удобны для мигрантов, особенно на начальном этапе их адаптации. Но в дальнейшем изолированность отдельных групп населения создаст определенные трудности и барьеры, мешает адаптации» [Мартынова 2018, 178]. Более того, прямым последствием данного процесса может стать нарастание конфликтного потенциала в отношениях между местным населением и мигрантами: «Культурная обособленность становится агрессивной, и степень агрессивности зависит от степени отчуждения той или иной группы иммигрантов от основного населения страны. При этом культурные противоречия могут легко трансформироваться в противоречия политические, в политическое противостояние мигрантов доминантному большинству» [Тишков, Шабаев 2013, 318]. И если в настоящее время России подобная ситуация не угрожает, то в Европе с ее кризисом мультикультурализма она стала повседневной реальностью. И не только в Европе: американский политолог Ф. Джерджис обращает внимание на потенциальную угрозу установления взаимосвязи между мусульманскими анклавами в городах США с международным терроризмом [Gerges 1999, I–XIII].

Возвращаясь к анализу опроса, заметим, что для местного населения в рассматриваемых регионах важно, чтобы мигрант умел общаться на государственном языке России, то есть при любых видах коммуникаций необходимо хотя бы элементарное знание русского языка. Важно для лучшего взаимопонимания «местных и приезжих» знакомство мигрантов с традициями и обычаями местного населения, их правовое просвещение. Необходима и организация совместных социально значимых для местного сообщества мероприятий; давно замечено, что именно совместная деятельность способствует лучшему взаимопониманию между людьми разных этнических групп.

В ходе опроса респондентам предлагалось также высказать свое отношение к различным сферам, так или иначе связанным с иностранными мигрантами.

Так, к развитию туризма в страны, из которых приезжают мигранты, отнеслись нейтрально в Мордовии и Удмуртии по 43 % опрошенных, в Марий Эл 44 %, 50 % в Коми. Положительное отношение высказали в Мордовии 30 % респондентов, в Коми и Удмуртии – по 42 %, в Марий Эл – 46 %. Отрицательное отношение, соответственно, обозначили в Коми 3 % опрошенных, в Марий Эл и Удмуртии – по 8 %, в Мордовии – 11 %. Применительно к реалиям этих четырех республик для большинства участников опроса было очевидно, что имеется в виду развитие туризма, прежде всего – в государства Средней Азии, так как основная масса гастарбайтеров прибывают именно из этого региона. Как известно, большинство россиян, имеющих финансовые возможности отдыха за рубежом, выбирают «европейское» и «турецкое» направления, а среднеазиатские государства приоритетными в туристическом выборе граждан РФ не являются. Что, к слову, представляется несправедливым, поскольку в данном регионе есть и первоклассные оздоровительные и спортивные курорты (скажем, знаменитый Медео в Казахстане), и признанные культурные центры с великолепными памятниками средневековой архитектуры (Самарканд, Бухара и многие др.). Поэтому интерес значительной части участников опроса к туризму в Средней Азии можно только приветствовать.

К кафе и ресторанам национальной кухни из стран, из которых прибыли мигранты, положительно относятся в Мордовии 44 % респондентов, в Удмуртии – 49 %, в Марий Эл – 55 %, в Коми – 64 %. Нейтральное отношение здесь высказали 31 % опрошенных в Коми, 32 % – в Марий Эл, 34 % – в Мордовии, 41 % – в Удмуртии. Соответственно, отрицательно к подобным пунктам питания относятся 3 % участников опроса в Коми, 9 % – в Удмуртии, 10 % – в Мордовии, 12 % – в Марий Эл.

Отдельные респонденты формулировали другие варианты ответов, которые, по сути, были комментариями к одному из предложенных вариантов. Пример позитивной оценки: «Сама хожу. Халяльное кафе "Шахразада" в центре города – дешево и вкусно» (Мордовия). Примеры позитивной оценки с проговариванием некоего условия: «Если это не в ущерб кухне коренного населения» (Коми). «Положительно, но в ограниченном количестве» (Удмуртия). Любопытно, что во многих комментариях, независимо от позиции респондентов, обыгрывалась «тема шаурмы». Это не случайно, поскольку практически повсеместно восточная, среднеазиатская кухня в основном представлена киосками по изготовлению и продаже этого блюда. В некоторых комментариях говорится о необходимости развивать свою, местную кухню вместо «чужой», например: «Вместо шаурмы даёшь русские пельмени и борщ с водкой!» (Мордовия).

Приведенное выше распределение мнений неудивительно, поскольку среднеазиатская, а также кавказская кухни в российских регионах всё же пользуется большим спросом и популярностью. Помимо ставших традиционными для большинства российских городов точек по изготовлению и продаже шаурмы, в столицах четырех рассматриваемых регионов есть рестораны, например, с блюдами узбекской, азербайджанской, армянской кухни, а также халяльные кафе, в которых в основном пред-

ставлены татарские, турецкие или арабские блюда. Из всех четырех рассматриваемых региональных столиц наибольшим разнообразием вариантов этнической кухни отличается Сыктывкар. В этом смысле столица Коми начинает сближаться с культурными традициями европейских и американских городов, для которых характерен «эмпориум кулинарных стилей» [Шапинская 2012, 63].

К обучению мигрантами художественным промыслам, танцам, музыке, приготовлению национальных блюд положительно относятся в Марий Эл и Мордовии по 46 % участников опроса, в Удмуртии 53 %, в Коми 61 %. Нейтральное отношение здесь выразили 37 % опрошенных в Мордовии, по 40 % в Коми и Удмуртии, 41 % в Марий Эл. Отрицательное отношение обозначили 3 % респондентов в Коми, 6 % в Удмуртии, 9 % в Мордовии, 12 % в Марий Эл. Не подвергая сомнению искренность данного интереса со стороны значительной части участников опроса, отметим всё же его декларативный характер, поскольку на сегодняшний день подобные курсы, кружки, художественные или танцевальные студии в рассматриваемых регионах – большая редкость, а, например, применительно к Мордовии о них вообще говорить не приходится.

Даже в таком болезненном вопросе, как *языковой*, респонденты проявили высокую степень лояльности. Положительное отношение к открытию в их городе курсов по изучению языков соседних стран, из которых приезжают мигранты, выразили 31 % участников опроса в Марий Эл, 39 % – в Удмуртии, 45 % – в Коми, 46 % – в Мордовии. Нейтральное отношение обозначили 37 % опрошенных в Мордовии, 43 % – в Коми, 47 % – в Удмуртии, 49 % – в Марий Эл. Отрицательно к подобным курсам относятся 7 % респондентов в Коми, по 9 % – в Мордовии и Удмуртии, 19 % – в Марий Эл. Правда, здесь также приходится констатировать, что в настоящее время таких языковых курсов для всех желающих в рассматриваемых республиках и их столицах фактически нет.

В целом повышение значения международной миграции в социально-экономическом развитии Российской Федерации находит отражение в особенностях общественного восприятия приезжих в ее субъектах, в том числе тех, о которых идет речь в нашей статье. Если региональные опросы 1990-х–2000-х гг. демонстрировали неготовность абсолютного большинства местного населения к появлению больших групп мигрантов, опасения за сохранение традиционной для регионов стабильности, то исследования последних лет показывают уже некоторую позитивную динамику в настроениях населения. Например, в отношении практики адаптации и интеграции мигрантов местные жители настроены преимущественно нейтрально и положительно. Респонденты в большинстве поддерживают такие формы, как обучение русскому языку, различные способы информирования мигрантов о местных традициях, правилах и нормах, развитие сотрудничества региона со странами, откуда прибывает большинство мигрантов, а также не возражают против создания мест, где можно познакомиться и получить опыт взаимодействия с культурой новых этнических сообществ.

Таким образом, опрос выявил достаточно высокую степень толерантности жителей Коми, Марий Эл, Мордовии и Удмуртии к мигрантам, в том числе к иностранным рабочим из Центральной Азии. Упомянутые выше проявления мигрантофобии в цифрах и комментариях отражали мнение меньшей части респондентов, которых, однако, заметная доля. Респонденты указывали и положительные, и негативные аспекты и последствия трудовой миграции. Большинство участников опроса всё же склонно рассматривать миграцию как позитивное явление.

Как рекомендацию следует указать на необходимость ускорить процесс принятия федерального закона «О социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации», предусмотрев четкое разграничение понятий «социальная и культурная адаптация и интеграция» мигрантов. Активизировать и совершенствовать меры, направленные на помощь в адаптации и на стимулирование процесса интеграции трудовых мигрантов различных этнических групп в региональные социумы. Информировать мигрантов о культурных особенностях «принимающей стороны», вовлекать их в общероссийские и местные мероприятия и праздники (День города, День России, разного рода этнокультурные фестивали), которые должны проводиться чаще, носить более последовательный и менее формальный характер, чем порой это имеет место быть.

Кроме того, не стоит недооценивать потенциал традиционных конфессий, которые «опекают» мигрантов – например, местные исламские уммы оказывают поддержку тем же иностранным рабочим-мусульманам или учебным мигрантам-студентам из мусульманских стран афро-азиатского мира [Martynenko, Shilov 2003, 39], а митрополии и епархии РПЦ – беженцам с Юго-Востока Украины. В этом плане вполне уместным представляется взаимодействие конфессий и госструктур, например, в форме совместных мероприятий, направленных на интеграцию мигрантов, создание для них психологически комфортных условий пребывания в республике, на развитие экономической инфраструктуры которой они оказывают заметное влияние.

Наконец, налицо необходимость более четкой и продуманной институционализации ответственности за применение «языка вражды» в отношении мигрантов со стороны журналистов, государственных и муниципальных служащих. Ситуация, имеющая место в некоторых региональных (и не только) СМИ, когда, например, материалы, освещающие проблемы мусульман, подаются в газетной рубрике под названием наподобие «линия фронта», представляется совершенно недопустимой и чреватой провоцированием межрелигиозных и межнациональных «фобий». Здесь уместно сочетание самоцензуры с действенными санкциями за публичное использование формулировок, провоцирующих ксенофобию в отношении мигрантов, а также сопутствующую ей исламофобию, в том числе в отношении «местных» мусульман. В заключение добавим, что, помимо социально-экономического контекста (безусловно, чрезвычайно важного для страны и региона), эффективная интеграция мигрантов – это важный стимул и для культурного развития, поскольку в этом случае мигранты, находясь в инонациональном и инокультурном окружении, входят в сложный, но чрезвычайно креативный мир диалоговой культуры.

ЛИТЕРАТУРА

- Аналитическая справка об итогах служебной деятельности УВМ МВД по Удмуртской Республике за 12 месяцев 2018 года. URL: <https://18.мвд.рф/document/15457490> (дата обращения 01.07.2019)
- Борисов Д. М. Интеграция иностранных трудовых мигрантов в региональный социум (на примере Республики Мордовия). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Саранск, 2012. 22 с.
- Воронцов В. С. Миграционные вызовы и демографические реалии современной России. На примере Удмуртии // Миграции в историко-антропологической перспективе. Материалы IX Конгресса этнографов и антропологов России. М., 2012. С. 64–79.
- Голунов С. В. Этническая миграция и преступность // Pro et Contra. Январь–апрель 2014. С. 84–95.
- Мартыненко А. В. «Джихадисты» из Республики Мордовия: мифы и реальность // Образование и духовная безопасность. 2017. № 2. С. 34–37.
- Мартынова М. Ю. Риски конфликтности в сфере бытовой культуры // Феномен этнического конфликта: междисциплинарный подход и общественные практики. Опыт предупреждения и урегулирования конфликтов. М., 2018. С. 178–184.
- Мукомель В. И. Миграционные исследования: социологическое измерение // Научные исследования в области этничности, межнациональных отношений и истории национальной политики. Материалы сессии Научного совета РАН по комплексным проблемам этничности и межнациональных отношений / Под ред. В.А. Тишкова, сост. Б.А. Синанов. М.: ИЭА РАН, 2018. С. 200–210.
- «Он убил двух человек!» // Столица С. 2018. 6 марта.
- Рыбаковский Л. Л. Демографическое будущее России в экстраполяциях и нормативных координатах // Социс. 2014. № 12 (368). С. 21–30.
- Социальные факторы этнической нетерпимости (итоги междисциплинарного исследования) / Ред. Степанов В. В., Тишков В. А. М.: ИЭА РАН, 2014. 364 с.
- Степанов В. В. Мониторинг общественного восприятия миграции и конфликтный потенциал миграционных отношений в России // Феномен этнического конфликта: междисциплинарный подход и общественные практики. Опыт предупреждения и урегулирования конфликтов. М., 2018. С. 171–177.
- Сычев А. А., Коваль Е. А., Жадунова Н. В. Проблема классификации языка вражды в отношении мигрантов (на примере Республики Мордовия) // Регионология. 2018. Т. 26, № 4. С. 798–815.
- Тишков В. А., Шабает Ю. П. Этнополитология. Политические функции этничности. М.: Изд-во Московского ун-та, 2013. 413 с.
- Шапинская Е. Н. Образ другого в тексте культуры. М.: URSS, 2012. 216 с.
- Bisson L. Russia's Immigration Policy: New Challenges and Tools // *Russie.Nei.Visions*. 2016. № 91. P. 4–23.
- Gerges F. America and political Islam: Clash of cultures or clash of interests? Cambridge: CUP, 1999. I–XIII, 282 p.
- Martynenko A. Salafits in the Republic of Mordovia as Challenge to Russian Identity: Myths and Reality (to the presenting of the problem) // Materials of the XI International Scientific and Practical Conference «Proceedings of Academic Science – 2015». Vol. 3. Sheffield: Science and Education Ltd, 2015. P. 57–59.
- Martynenko A., Shilov N. Social and Cultural Aspects of Regional Islam in Russia. On the Example of the Republic of Mordovia // *Lo Straniero*. Naples/Italy. April, 2003. № 37. P. 38–39.
- Massey D. Social Structure, Household Strategies, and Cumulative Causation of Migration // *Population Index*. 1990. № 56. P. 3–26.

Поступила в редакцию 20.09.2019

Воронцов Владимир Степанович,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Удмуртский институт истории, языка и литературы
УдмФИЦ Уральского отделения РАН,
426004, Россия г. Ижевск, Удмуртская Республика, ул. Ломоносова, 4
E-mail: vvorontsov@rambler.ru

Мартыненко Александр Валентинович,
доктор исторических наук, профессор,
Мордовский государственный педагогический институт им. М.Е. Евсевьева,
430007, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Студенческая, 11а,
E-mail: arkanaddin@mail.ru

Орлова Ольга Викторовна,
кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник,
Марийский НИИ языка, литературы и истории имени В.М. Васильева,
424000, Россия, Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола, ул. Красноармейская, 44,
E-mail: marsoc_orlova@mail.ru

Шабаев Юрий Петрович,
доктор исторических наук, профессор, зав. сектором этнографии,
Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН,
167982, Россия, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26,
E-mail: yurshabaev@mail.ru

V. S. Vorontsov, A. V. Martynenko, O. V. Orlova, Yu. P. Shabaev

PROBLEMS OF PUBLIC PERCEPTION OF MIGRATION BY THE POPULATION OF THE FINNO-UGRIC REPUBLICS OF RUSSIA (BASED ON MATERIALS FROM MARI EL, MORDOVIA, KOMI, UDMURTIA)

DOI: 10.35634/2224-9443-2019-13-4-653-663

The article is an analysis of the results of sociological surveys conducted by its authors in Mari El, Mordovia, Komi, Udmurtia in the fall of 2018. The study was conducted according to the methodology of the Ethnological Monitoring and Early Warning Conflict Network of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences and was aimed at identifying and assessing conflict and integration, the potential of the local population in the field of migration relations. On the whole, these polls revealed a rather high degree of tolerance of the residents of these republics towards migrants, including foreign workers from Central Asia. Manifestations of migrant phobia in figures and comments reflected the opinion of a smaller part of respondents, which, however, is a significant proportion. Respondents indicated both positive and negative aspects and consequences of labor migration. Most respondents are still inclined to consider migration as a positive phenomenon. As recommendations, it is necessary to indicate the need for further intensification and further improvement of measures aimed at helping to adapt and stimulating the process of integration of labor migrants of various ethnic groups into regional societies. Informing migrants about the cultural features of the "host country", involving them in national and local events and holidays (City Day, Russia Day, various ethnocultural festivals) should be carried out more often, also, being more consistent and less formal is also favorable. In addition, do not underestimate the potential of traditional faiths that "patronize" migrants. In addition to the socio-economic context, the effective integration of migrants is an important incentive for cultural development and for the development of dialogue of cultures.

Keywords: labor migration, migration policy, foreign workers, public opinion, migrantophobia, xenophobia, tolerance, interethnic relations, adaptation, integration.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2019, vol. 13, issue 4, pp. 653–663. In Russian.

REFERENCES

Analiticheskaya spravka ob itogah slujebnoi deyatel'nosti UVM MVD po Udmurtskoi Respublike za 12 mesyacev 2018 goda [Analytical report on the results of official activities of the Ministry of internal Affairs of the Udmurt Republic for 12 months of 2018]. In Russian. URL: <https://18.мвд.рф/document/15457490> (accessed: 01.07.2019)

Borisov D. M. *Integratsiya inostrannikh trudovikh migrantov v regionalniy sotsium (na primere Respubliki Mordoviya): Avto-ref. dis. kand. sotsiologicheskikh nauk.* [Integration of foreign labor migrants into regional society (on the example of the Republic of Mordovia). Extended abstract of cand. sociological sci. diss.]. Saransk, 2012. 22 p. In Russian.

Vorontsov V. S. Migratsionniye vizovy i demograficheskiye realii sovremennoy Rossii. Na primere Udmurtiyi. [Migration challenges and demographic realities of modern Russia. On the example of Udmurtia]. *Migratsiya v istoriko-antropologicheskoy perspective. Materiali IX Kongressa etnografov i antropologov Rossii.* [Migration in the historical and anthropological perspective. Materials of the IX Congress of Ethnographers and Anthropologists of Russia]. Moscow, 2012, pp. 64–79. In Russian.

Golunov S. V. Etnicheskaya migratsiya ii prestupnost. [Ethnic Migration and Crime]. *Pro et Contra.* January – April 2014, pp. 84–95. In Russian.

Martynenko A. V. “Jihadisti” iz Respubliki Mordoviya: mifi i realnost [“Jihadists” from the Republic of Mordovia: myths and reality] // *Obrazovaniye i duhovnaya bezopasnost.* [Education and spiritual security]. 2017, no 2, pp. 34–37. In Russian.

Martinova M. Yu. Riski konfliktnosti v sfere bitovoy kulturi [Risks of conflict in the field of domestic culture]. *Fenomen etnicheskogo konflikta: mezhdistsiplinariy podhod i obshchestvenniye praktiki. Opit preduprezhdeniya i uregulirovaniya konfliktov.* [The phenomenon of ethnic conflict: an interdisciplinary approach and social practices. Conflict Prevention and Resolution Experience]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, 2018, pp. 178–184. In Russian.

Mukomel' V. I. Migratsionnye issledovaniya: sotsiologicheskoe izmerenie [Migration Studies: The Sociological Dimension]. *Nauchnye issledovaniya v oblasti etnichnosti, mezhnatsional'nyh otnoshenij i istorii natsional'noj politiki. Materialy sessii Nauchnogo soveta RAN po kompleksnym problemam etnichnosti i mezhnatsional'nyh otnoshenij / Pod red. V. A. Tishkova, sost. B. A. Sinanov.* [Scientific research in the field of ethnicity, interethnic relations and the history of national politics. Materials of the session of the Scientific Council of the RAS on complex problems of ethnicity and interethnic relations / Ed. V. A. Tishkova, comp. B. A. Sinanov]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, 2018, pp. 200–210. In Russian.

«On ubil dvuh chelovek» [“He killed two people!”] // *Capital C*, 2018. March 6.

Ribakovskiy L. L. Demograficheskoye budusheye Rossii v ekstrapolyatsionnih ii normativnih koordinatah. [The demographic future of Russia in extrapolation and regulatory coordinates]. *Sotsis. [Socis]*, 2014, no 12 (368), pp. 21–30. In Russian.

Sotsial'nye faktory etnicheskoy neterpimosti (itogi mezhdistsiplinarnogo issledovaniya) / Red. Stepanov V. V., Tishkov V. A. [Social factors of ethnic intolerance (results of an interdisciplinary study) / Ed. Stepanov V. V., Tishkov V. A.]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, 2014, 364 p. In Russian.

Stepanov V. V. Monitoring obshchestvennogo vospriyatiya migratsii i konfliktniy potentsial migratsionnih otnosheniy v Rossii. [Monitoring the public perception of migration and the conflict potential of migration relations in Russia]. *Fenomen etnicheskogo konflikta: mezhdistsiplinariy podhod i obshchestvenniye praktiki. Opit preduprezhdeniya i uregulirovaniya konfliktov.* [The phenomenon of ethnic conflict: an interdisciplinary approach and social practices. Conflict Prevention and Resolution Experience]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, 2018, pp. 171–177. In Russian.

Sichov A. A., Koval E. A., Zhadunova N. V. Problema klassifikatsiyi yazika vrazhdi v otnosheniyi migrantov (na primere Respubliki Mordoviya). [The problem of classification of hostile language in relation to migrants (for example, the Republic of Mordovia)]. *Regionologiya. [Regionology]*. 2018, vol. 26, no 4, pp. 798–815. In Russian.

Tishkov V. A., Shabaev Yu. P. *Etnopolotologiya. Politicheskiye funktsiyi etnichnosti* [Ethnopolitology. Political Functions of Ethnicity]. Moscow, Moscow University Press, 2013. 413 p. In Russian.

Shapinskaya E. N. *Obraz drugogo v tekste kulturi.* [The image of another in the text of culture]. Moscow, URSS, 2012. 216 p. In Russian.

Bisson L. Russia's Immigration Policy: New Challenges and Tools. *Russie.Nei.Visions.* 2016. № 91. P. 4–23.

Gerges F. America and political Islam: Clash of cultures or clash of interests? Cambridge: CUP, 1999. I–XIII, 282 p.

Martynenko A. Salafits in the Republic of Mordovia as Challenge to Russian Identity: Myths and Reality (to the presenting of the problem). Materials of the XI International Scientific and Practical Conference “Proceedings of Academic Science – 2015”. Vol. 3. Sheffield: Science and Education Ltd, 2015. P. 57–59.

Martynenko A., Shilov N. Social and Cultural Aspects of Regional Islam in Russia. On the Example of the Republic of Mordovia. *Lo Straniero. Naples/Italy.* April, 2003. № 37. P. 38–39. Massey D. Social Structure, Household Strategies, and Cumulative Causation of Migration // *Population Index.* 1990. № 56. P. 3–26.

Massey D. Social Structure, Household Strategies, and Cumulative Causation of Migration // *Population Index.* 1990. № 56. P. 3–26.

Received 20.09.2019

Vorontsov Vladimir Stepanovich,
Candidate of History, Senior Research Associate,
Udmurt Institute of History, Language and Literature, UdmFRC UB RAS
4, ul. Lomonosova, Izhevsk, 426004, Russian Federation
E-mail: vvorontsov@rambler.ru

Martynenko Alexander Valentinovich,
Doctor of History, Professor,
Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Yevseviev,
11a, ul. Student, Saransk, 430007, Russian Federation
E-mail: arkanaddin@mail.ru

Orlova Olga Viktorovna,
Candidate of History, Leading Researcher,
Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasilyeva,
44, ul. Krasnoarmeyskaya, Yoshkar-Ola, 424000, Russian Federation
E-mail: marsoc_orlova@mail.ru

Shabaev Yuri Petrovich,
Doctor of History, Professor, Head of sector of ethnography,
Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Center,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
26, ul. Communist, Syktyvkar, 167982, Russian Federation
E-mail: yupshabaev@mail.ru